

Творческие
портреты

НЕСКОЛЬКО ВОПРОСОВ АКТРИСЕ СИЛИНОЙ

«Любите ли Вы театр?»
Мне хочется задать ей этот вопрос первым. Но, наверное, он покажется ей непонятным. Покажется желанием соригинальничать. «Любите ли вы театр?» — задать такой вопрос актрисе, играющей на сцене без малого тридцать лет? Получившей несколько месяцев тому назад звание Заслуженной артистки республики. Актрисе, которую в один голос хвалят взыскательные театральные критики и безыскусные зрители.

О том, как невероятно тяжело искусство актера, подготавливают многие. Но даже, передавая из уст в уста были и небывлицы о том, как уносили без чувств актера после чего-то спектакля, или о том, как в творческом забвении актеры режутся и колотятся на сцене, немногие становятся свидетелями того, каких действительно огромных ежечасных и ежесуточных усилий требует искусство. Этот пот, это нервное напряжение — на какое-то мгновение театр может показаться столь же далеким от красоты, сколь его привыкли видеть близким к ней. И именно это мгновение откроет глаза на то, что называется «судьбой» актера. И навсегда отпугнет от театра легкомысленных по молодости девчонок, мечтавших о блеске и легкой славе.

«Любите ли вы театр теперь, когда можете сказать, что узнали его?»

Вместо этого я спрашиваю более привычное:

— Вы полюбили театр с детства?

— Да, но... не больше, чем архитектуру, литературу, математику...

Бог, как говорят, миловал. Не думалось в юности Силиной стать актрисой (может быть, это и открыло ее для искусства). Ее интересовало все. Она училась ровно по всем предметам и школу кончила с золотой медалью. Это было влияние отца, Ефима Васильевича — преподавателя математики, человека широкой эрудиции, познававшего дочь и с театром, и с живописью, и с архитектурой.

— Мы с отцом рано остались вдвоем, без матери. Несколько лет я была вообще предоставлена только самой себе, хотя, мне было тогда лет тринадцать—пятнадцать... Может, поэтому у меня сложился такой... характер, на мой взгляд, необходимый актеру, чтобы суметь защитить свое видение героя, произведения...

Есть разные способы воспитания эстетического. Иных детей вроде и не «воспитывают», а какими-то незримиными путями переходит в них от родителей чуткость к красоте, хороший вкус, отличающий истинные ценности от

поделок. Актриса зрела в Силиной исподволь. Этот процесс происходил в ней и тогда, когда они с отцом ходили на спектакли самых различных театров. И тогда, когда гуляли по Пушкинскому парку. Пушкинский парк. Ленинград. Одна поездка в этот город стоит сотен лекций по эстетике.

И тогда, когда она была подготовлена к театру всем существом, судьба свела ее с ним. Шел первый год войны. На Кавказ был эвакуирован Ленинградский институт театрального искусства. И чтобы не терять зря годы, только что закончившая школу Татьяна Силина попыталась выдержать экзамены в этот институт. По специальности ей в виде исключения было поставлено «шесть». Но и после этого она еще проучилась два года на литфаке Ереванского университета — Ленинградский институт был эвакуирован дальше, в Сибирь — прежде чем поняла, что театр слишком глубоко запал в нее. Вот тогда они с отцом поехали в Сибирь искать тот институт.

В институте ее наставниками были профессор Н. Е. Себряков, народный артист СССР В. В. Меркурьев, И. В. Мейерхольд — большие мастера сцены, тонкие режиссеры и педагоги.

— А потом, после института, вам везло на режиссера?

— Было счастливое везение. Свердловский театр в ту пору переживал большой творческий подъем. Его возглавлял народный артист РСФСР В. С. Битюцкий. Мы не могли рассчитывать на роль, даже маленькую. Нас выпускали в массовках. Но какие это были отточенные массовки! С нами работали с каждым внимательно и по долгу. Да и одно «соседство» с такими мастерами, как народный артист СССР Б. Ф. Ильин, как народная артистка РСФСР Н. К. Петипа!

Там, в Свердловске, Силина получила роль, о которой может мечтать любая молодая актриса, — Анисья во «Власти тьмы» Л. Толстого. Читатель, должно быть, хорошо помнит этот образ жестокой, нравственно изуродованной женщины, круто расправляющейся со всеми, кто встает на ее пути. Анисья поражает своей темнотой и бесчеловечностью. Но вот в рецензиях на этот спектакль есть строчки, обнаруживающие важную особенность творчества Силиной, особенность, сказавшуюся не только на исполнении этой роли: «...в ней (в Анисье — Е. Ч.) гибнет столько самобытной силы — актриса сумела это показать ярко и убежденно, — что особенно остро ощущаешь, как нелепы и ужасны условия, в которые поставлены эти люди».

Иными словами, Силина в какой-то степени оправдывает свою героиню, ищет глубинный смысл образа.

Для Силиной это стало главным в работе над любой ролью: понять человека, образ которого тебе дан. Понять, почему он ведет себя так, а не иначе, полюбить в нем все человеческое, принять его во всей сложности. И даже если это образ безчеловечного существа (каким является, скажем, Анисья), найти причину, виновника этой бесчеловечности.

— Мне одинаково дороги все женщины, которых я играла. Каждая из них не похожа на другую, а через познание характера пролегал для актера познание мира.

В этом-то и заключается талант Силиной как актрисы — в умении проникнуть в психологию образа. Когда в Брянске режиссером А. Новиковым была осуществлена постановка «Вдовца», автор пьесы, драматург А. Штейн, присутствовавший на спектакле, признался, что он поражен тем, как верно поняла Силина образ Лизы, женщины очень сложной судьбы. Позже, когда эту постановку осуществлял МХАТ, Штейн специально привез в Брянск и режиссера ее и директора театра, чтобы они здесь посмотрели, какими он хотел бы видеть своих героев.

Катерина Бокова из пьесы Адешина «Другая», Мария Стюарт из пьесы Шиллера, Лиза Коваленко из «Вдовца», Штейна, Н. К. Крупская в «Большевиках» Шатрова, все это сыграно на сцене уже Брянского театра. Сильные, страстные, богатые натуры. То ли действительно в них есть какая-то общность, то ли их объединяла актерская мысль Силиной, не признающей половинчатости, малодушия, безликости.

— Раз уж зашла речь о жизненных критериях, какое качество Вы цените в человеке больше всего?

— Честность.

— Какой из женских образов Вы больше всего хотели бы создать на сцене?

— Пожалуй... не знаю. Только не Анну Каренину.

— Я не люблю Анну. Может быть, это идет еще со школьной скамьи. Нам усердно втолковывали, что Каренина — бесчувственное, ограниченное существо, «государственная машина» и так далее и тому подобное. Я пыталась смотреть на все, тем более на людей, с разных сторон, пыталась понять их до конца. И мне многое нравилось в Каренине. Он казался мне отнюдь не «высушенным», а человеком несчаст-

ным, пережившим тяжелую драму, причиной которой я видела Анну. С тех пор у меня осталась какая-то не признанная к ней.

— Татьяна Ефимовна, Вам удавалось когда-нибудь «роль» зрителя?

— Конечно, обычно актер, сидя на каком-нибудь спектакле, невольно анализирует его, наблюдает актерскую и режиссерскую работу. Но минувшим летом я смотрела в московском «Современнике» «На дне». Я, может, не вспомню сейчас всех деталей этого спектакля — он меня потряс. Я по-хорошему завидовала актерам, режиссеру. Как залось бы, хрестоматийная вещь, раскрылась по-новому у тебя светлое чувство надежды остается после спектакля, надежды на то, что эти люди — не конечные, что они еще выйдут на улицу и даже, может быть, сольются с революционными массами... Но это надо видеть.

У актера много судей. Главный среди них — зритель. Его реакцию актер ловит со сцены, и она или холодит или греет его сердце. А бывает, что зритель сам приходит к актеру. Почти всегда в таких случаях — чтобы принести ему свое «спасибо».

К Силиной он приходит часто. И те два отрывка из писем, которые я привожу ниже, — лишь малая толика из числа зрительских отзывов. Впрочем, достаточно характерная:

«Ваша игра нас захватила. Очень приятно поздравить Вас с большим успехом. Вы сценичны, обаятельны»...

«Впервые пишу актрисе, Незнакомой и обаятельной. Ваша игра превосходна... И если б представился случай, я с большим удовольствием пожал бы Вашу руку в знак благодарности за Вашу великодушную игру».

Это в какой-то степени отвечает на тот вопрос, который я так и не задала актрисе.

Е. ЧАЛИЯН.